

Анатолий Галущенко

Страна контрастов

Мемуары разработчика
ядерного оружия СССР

Анатолий Галущенко

**Страна контрастов.
Мемуары разработчика
ядерного оружия СССР**

«Издательские решения»

Галущенко А.

Страна контрастов. Мемуары разработчика ядерного оружия СССР
/ А. Галущенко — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-853422-5

Будни — работа над самым мощным оружием в истории человечества, способным уничтожить мир. Выходные — копанье на 6 сотках, чтобы прокормить семью. Блеск и нищета советской сверхдержавы, отраженные в судьбе незнаменитого человека. Повседневная жизнь секретного центра ядерного могущества коммунистической империи.

ISBN 978-5-44-853422-5

© Галущенко А.
© Издательские решения

Содержание

От автора	6
Моя родословная	7
С отцом мне повезло.	7
Мать. Жизнь прожита трудная, но достойная	13
Сестра и братья	16
Валентина – моя вторая мама	16
Дмитрий: солдат и лесничий	18
Михаил – романтик в душе и в работе	19
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Страна контрастов Мемуары разработчика ядерного оружия СССР

Анатолий Галущенко

© Анатолий Галущенко, 2017

ISBN 978-5-4485-3422-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

От автора

Я принадлежу к поколению, детство которого совпало с суровыми годами Великой Отечественной войны. На долю этого поколения выпали многие и радостные, и трагические события XX века.

Родился я в ноябре 1941 года в Донбассе, который в то время – с сентября 1941-го по сентябрь 1943-го – был оккупирован фашистской Германией. На моей памяти военное раннее детство, незабываемая радость Победы, голод 1947 года, холодная война, хрущёвская «оттепель», создание ракетно-ядерного щита, первый спутник и полёт Гагарина, бурное развитие информационных технологий, перестройка, развал СССР, расстрел Верховного Совета, «шоковая терапия» и бандитизм в 90-х, оживление экономики в 2000-х и последовавшие кризисы, ослабление и новое усиление холодной войны.

Меня можно отнести к обычным простым людям моего поколения. Я из шахтёрской семьи. В детстве рос и воспитывался в шахтёрском посёлке.

Мои воспоминания не претендуют на всеохватность, они о том, что пережил я сам или мои близкие. Я стараюсь максимально объективно излагать памятные события, которые тем не менее характеризуют обстановку и условия жизни обычной семьи, без оглядки на политические интересы и увязки со знаковыми событиями «эпох» Сталина, Хрущёва, Брежнева и т. д.

В жизни было и хорошее, и плохое. Но корректно определить, что было «хорошо» и что «плохо», можно лишь с учётом конкретной исторической обстановки, социальных условий жизни того времени. Например, в годы восстановления разрушенной войной страны, по нынешним меркантильным меркам, мы были бедные и несчастные. Но в то время у меня и моего окружения ощущения несчастья не было. Все жили примерно одинаково бедно. Бедность была нормой, поэтому можно сказать, что мы жили нормально в тех конкретных исторических условиях послевоенной разрухи. При этом с оптимизмом смотрели в будущее, поскольку на глазах страна восстанавливалась, ежегодно первого апреля цены снижались и жизнь заметно улучшалась.

Очевидно, правильная оценка прошлого нашей страны невозможна без достоверного знания её истории фактической, а не истории как инструмента политической борьбы. Надеюсь, что мои воспоминания об отдельных эпизодах и событиях моей жизни и моих близких, посвящённые, прежде всего, детям и внукам, окажутся интересными и для других читателей.

Моя родословная

С отцом мне повезло.

Я горжусь им...

Мои родители – выходцы из сёл в донецкой степи. Отец из Георгиевки (это официальное название, жители называют своё село Григоровка), расположенной в 10 километрах западнее нынешнего Донецка по дороге на Запорожье, а мать – из Максимильяновки, что в пяти километрах западнее Григоровки, по той же дороге. Эти сёла были основаны в XVIII веке в период освоения Екатериной Великой Причерноморья и Приазовья. Согласно преданиям, Григоровку основали переселенцы из Литвы. Возможно, поэтому и сейчас жителей Григоровки называют «литвины». В Григоровке, как и в близлежащих сёлах, говорят на украинском языке, но диалект несколько отличается. Например, в селе предков матери говорят «молоко, корова», а в соседней Григоровке – «малако, карова».

Согласно семейным преданиям, мой прапрадед Хома был чумаком – ходил пешком в Крым за солью. Основным ориентиром в пути ему служил Млечный путь на звёздном небе, который на Украине называют «Чумацкий шлях» (дорога). Прапрадед Хома прожил 116 лет и умер в голодном 1921 году.

Прадед Остап и дед Никита были крестьянами. О прадеде мне почти ничего неизвестно, а деда знаю очень хорошо. Родился он в 1881 году. Мы его уважительно называли «дедушка», а тётя Фаня (его дочь) – «тато» или «татко» и – на «Вы». Он умер, не дожив полгода до 100 лет (его сестра, баба Ульяна, дожила до 102-х). Дед вёл по-настоящему здоровый образ жизни. Был спокойным, уравновешенным, добрым. Выпивал по чуть-чуть, и то крайне редко. Знал и хорошо пел украинские народные песни. В молодости, как он говорил, «до советской власти», работал некоторое время в Красногоровке, что примерно в 10—12 километрах полевой дороги от Григоровки. Ходил ежедневно на работу и с работы только пешком в любую погоду. А как непросто идти по раскисшему под дождём чернозёму, прилипающему тяжёлыми гирями к сапогам! Дед и на базар в Юзовку (сейчас – Донецк) ходил пешком.

Поскольку на базаре основная торговля была рано утром, выходил он за полночь, чтобы успеть к началу базара. А до Юзовки 30 километров!

Мой дед Никита Остапович. Фото автора

Когда деду было уже далеко за 80, он приходил к нам в гости за 10 километров, на окраину Донецка, только пешком, и ни разу мы не смогли уговорить его уехать домой на рейсовом автобусе. Дед всегда ходил с тростью, которую все домашние и он сам называли «палочкой». Палочка была очень удобная и красивая. Верх её удобно изгибался под ладонь. Конец палочки был в виде собачей головки. Под нижней челюстью собачки была кнопка. При нажатии кнопки пасть открывалась. Мне нравилась эта палочка, когда я был маленьким, и дед с удовольствием давал мне поиграть с ней.

Никита Остапович был прекрасным садоводом и пчеловодом. Но сам выращенные фрукты и мёд практически не употреблял, разве только на вкус пробовал. В начале 50-х годов был введен драконовский налог на каждое плодородное дерево как на источник дохода. В действительности выращенные фрукты использовались только для собственного потребления. Налог на сад стал неподъёмным бременем, и дед (и не только он!), скрепя сердце, вырубил плодовые деревья. При Маленкове (в 1953 или 1954 году) этот вредный налог правительство отменило, и дед снова посадил сад.

В преклонном возрасте дед работал сторожем в колхозном саду, посаженном при немцах во время оккупации. В саду он сделал курень (шалаш) и сторожил очень добросовестно днём и ночью. Летом я подолгу гостил у него в Григоровке. С дедом постоянно жили его дочь тётя Фаня и её трое детей – Володя (1935 г.р.), Валя (1939 г.р.) и Толя (1942 г.р.). Мы были хорошими друзьями. С Толей мы каждый день носили еду деду в сад. Он нам разрешал полакомиться вкусной черешней, но строго наказывал домой ничего не брать. Нам было лет по 13, мы не могли устоять перед крупной, сочной, сладкой, почти чёрной черешней. У Толи в кармане пиджака была большая дыра, он через неё под подкладку прятал черешню, и дома мы ещё лакомились ворованным у деда колхозным добром.

Дед занимался посильным трудом почти до самой смерти. Уже за 80, он ночью работал сторожем в колхозной овчарне, а днём из ивовых прутьев плёл для колхоза сапетки (корзины) и зарабатывал больше, чем внук Толя – водитель колхозного грузовика.

Умер дед на сотом году жизни. Внезапно. Гостил у сына Тимофея – председателя крупного колхоза в Волновахском районе Донецкой области. Чувствовал себя неплохо. Вечером, ползая на коленках, полол грядку. Лёг спать. А в четыре часа утра тихо скончался. Врач сказал – от старости.

О моём деде Никите Остаповиче я мог бы ещё много чего вспомнить, но, думаю, и так понятно: мой дед был для меня хорошим воспитателем – воспитывал не словом, а личным примером.

Моя бабушка Прасковья умерла в 1950 году, когда мне было девять лет. Бабушка родила 15 детей, но до взрослого возраста дожили только четверо. Мой отец, Иван Никитович, был самым старшим из них.

Запомнился такой эпизод с бабушкой. Мне лет семь. Гостили в Григоровке. Бабушка водила меня по саду и сорвала для меня спелое, ароматное яблоко. Я, заметив в нём червоточину, отказался есть. На что бабушка сказала: «Не то черви, что мы едим, а то черви, что нас едят».

Мой отец родился в 1901 году в селе Григоровка (сейчас это в Марьинском районе Донецкой области). Юность прошла в годы гражданской войны. Его любимая песня: «Дан приказ ему на Запад, ей – в другую сторону. Уходили комсомольцы на гражданскую войну...». Ему пришлось один день побыть в рядах махновцев, когда отряд Махно пришёл в село. Но, поближе познакомившись с этим «войском», понял, что это банда, быстро одумался и, дойдя с махновцами до околицы села, вернулся домой.

Отец принимал активное участие в коллективизации. Вступил в ВКП (б). Однажды его с группой товарищей пригласил домой Н. С. Хрущёв, который в то время был секретарём Петрово-Марьинского райкома партии. Отец вспоминал, как Никита Сергеевич, угощая их чаем

и видя, что они стесняются брать сахар (время было голодное), сказал: «Мужики, не стесняйтесь, берите сахар. Сейчас пьем чай с сахаром вприкуску, настанет время – будем пить внакладку». Чувствовалось, что отец Хрущёва уважал. Особенно когда при Хрущёве максимум пенсии был поднят до уровня средней зарплаты по стране. У отца пенсия с 70 рублей сразу повысилась до 120. В 60-е годы это были хорошие деньги; у некоторых моих сокурсников после окончания университета оклады в научно-исследовательских институтах были порядка 80—90 рублей. Даже после свержения Хрущёва в октябре 1964 года как «волонтариста» и «проектёра» отец не стал дома снимать его портрет.

После голодного 1933 года по призыву партии об индустриализации страны отец переехал с семьёй – женой и тремя детьми – на Трудовской рудник (сейчас он в Петровском районе на западной окраине Донецка) для работы на угольной шахте. В то время в угольной промышленности был острый дефицит инженерно-технических кадров. Несмотря на то, что у отца за плечами было всего лишь три класса церковно-приходской школы, его как толкового, энергичного рабочего направили в Харьков для получения горного технического образования. Отучившись, он успешно работал на шахте мастером, начальником участка, а после войны даже начальником небольшой шахты.

Драматическая судьба выпала отцу в годы войны. Война началась, когда ему шёл 40-й год.

В августе 1941 года немецкие захватчики вплотную подошли к Донбассу. Шахты продолжали работать, шахтёры выдавали уголь «на гора» до последней возможности. Отец отправил семью – беременную мной жену и троих детей – в Григоровку, к деду. А сам, чтобы шахта не досталась оккупантам, остался с небольшой группой шахтёров для подготовки взрыва шахты. Шахту взорвали. Надо было срочно уходить от линии фронта на восток в наш тыл. Часть группы уехала, воспользовавшись лошастью с подводой, а кому не хватило места – в том числе и отцу, ушли пешком. Они прошли 20 километров с западной окраины города Сталино (сейчас Донецк) до восточной окраины. И здесь оказалось, что они уже в тылу немцев: быстро наступающие немецкие войска, обогнув Сталино слева и справа, в сентябре сомкнулись восточнее города. Теперь фронт был впереди, путь на восток закрыт. Группа разбрелась кто куда. Отец повернул назад, в сторону дома. Но возвращаться на Трудовской рудник, где он участвовал во взрыве шахты, или к семье в Григоровку, где немецкие прихвостни знали его как коммуниста, было невозможно. Отец пошёл в Красногоровку, где жил дядя Фёдор, брат моей матери. Пока было тепло, скрывался в песчаном карьере. Но когда стало совсем холодно, он вынужден был идти в Григоровку, тем более что жена вот-вот должна была рожать.

В Григоровке тоже приходилось прятаться. Сначала в хате, откуда в случае опасности он выходил в сад через конюшню, которая была под одной крышей с хатой и имела двери и в хату, и во двор. В саду была замаскированная камышом яма. В ней он и переждал опасность. После войны я видел эту яму. Она напоминала могилу. В 50-х годах эта яма пригодилась под туалет.

Однажды в гости зашёл дальний родственник. Отец не стал прятаться – родня всё-таки. Родственник, неожиданно увидев отца и, зная, что он коммунист, тем не менее, завёл разговор о том, что ненавидит коммунистов и готов своими руками всех их убивать. После его ухода минут через двадцать подъехала машина с полицией и отца забрали. В полиции его избивали, топтали на животе, имитировали расстрел, поставив к стене, стреляли так, что пули вонзались в стену рядом с его головой, – требовали признания, что он подпольщик и чтобы назвал сообщников. В действительности не было ни подполья, ни сообщников. Не добившись желаемого признания, отца отправили в концлагерь. Все эти издевательства творились без непосредственного участия немцев, всё делалось руками местных полицейских.

Родные и близкие не оставили отца в беде. Собрали, сколько могли, денег, а в основном сала, и передали сельскому старосте с просьбой попытаться с помощью этих «подарков» освободить отца из концлагеря. Староста выполнил просьбу, постарался для своих сельчан –

немецкое лагерное начальство не устояло перед украинским салом, отца отпустили, но с условием, что он должен регулярно отмечаться в местной управе.

Несколько добрых слов о сельском старосте. При немцах в селе должен был быть сельский староста из местных. На эту должность желающих не было. Сельчане уговорили одного из порядочных, толковых мужиков стать старостой и послужить в этой должности для своих же сельчан. И он добросовестно этот наказ выполнял. Но когда немцев прогнали, его судили как пособника фашистских оккупантов и дали 10 лет колонии. А родственничку, который выдал отца-коммуниста полиции, и мужику, который встречал немцев с хлебом-солью, ничего не было. Но немцы по своему его «отблагодарили»: при бегстве с Донбасса в сентябре 1943 года под натиском Красной армии они подряд поджигали хаты сельчан – подожгли и хату этого мужика.

После освобождения Донбасса от оккупантов отец с семьёй – теперь уже с четырьмя детьми, поскольку к трём довоенным в ноябре 1941 года добавился я, – возвратился на Трудовской рудник, чтобы восстанавливать шахту и «давать стране угля».

Работа была не тяжёлая, а очень тяжёлая. Ещё не закончилась война. На шахте всего не хватало: леса для крепи, порожняка, отбойных молотков, спецодежды и т. п. В забое, когда иногда толщина пласта угля не превышала 45 сантиметров, забойщик в этой подземной щели при недостатке кислорода рубил уголь обушком при свете керосиновой лампы. Об угольных комбайнах и подземных электровозах даже не мечтали – под землёй вагонетки с углём и породой перевозили лошади. Условия работы шахтёров того времени хорошо описаны в известной книге Бориса Горбатова¹.

Шахта работала круглые сутки в три смены по восемь часов. Шахтеры трудились в разные смены по несколько дней. У инженерно-технических работников (ИТР), в том числе и у отца, начальника участка, рабочий день был ненормированным. В то время на шахте это означало буквально круглосуточную организаторскую работу и контроль. В начале каждой смены начальник участка «проводил наряд»: бригадирам давал конкретные задания, что, где и как надо за смену сделать. Он же контролировал выполнение заданий и решал постоянно возникающие в процессе работы проблемы. Работать надо было и в штреках, лавах, забоях под землёй, и на поверхности – в кабинетах начальника шахты и главных специалистов и дома по телефону.

Телефонной сети на руднике тогда не было. К квартире отца был протянут на столбах телефонный провод и установлен армейский полевой телефон для связи с шахтой. Он представлял собой коробку с откидывающейся крышкой размером с обувную коробку. При вызове абонента надо было сначала покрутить ручку и попросить девушку на коммутаторе соединить с нужным абонентом. Домой отец приходил только спать. Сон, как правило, был коротким и в разное время суток – когда позволяли дела на шахте. Но и сон часто прерывался телефонными звонками, приходилось решать острые вопросы (например, нет порожняка – уголь нарубили, а грузить не во что, работа остановилась, срывается план угледобычи, а это было смерти подобно). Тогда начинались разборки с теми, от кого зависело решение вопроса, на всю квартиру гремел виртуозный шахтёрский мат, без которого на шахте ничего не решалось. При этом домашние чувствовали себя неловко, делали вид, что ничего не слышат. И что интересно: в разговоре с домашними, даже в возбуждённом состоянии, отец никогда не употреблял матерных слов.

В детстве я испытывал сильное чувство неловкости и жалости к отцу, которого нехорошие люди доводят до состояния бешенства, так что он вынужден ругаться матом. Наверное, это на меня так повлияло, что я никогда не употреблял и не употребляю матерных слов, хотя в детстве рос в окружении мата и на улице, и дома, и в школе. Люди, которые не могут обхо-

---

¹ Борис Горбатов. Непокоренные. Донбасс. Издательство «Известия». Москва. 1973

даться без мата, как ни странно, вызывают у меня чувство жалости и сострадания как несчастные, обиженные судьбой.

Особенно напряжённые дни у отца были в случаях нередких разнообразных аварий в шахте (взрыв метана, обрушение кровли, завалы, затопления, пожар в подземных выработках и др.). Такие аварии почти никогда не обходились без человеческих жертв. Люди гибли или оставались калеками на всю жизнь. Когда в шахтёрском посёлке разносилась весть про аварию, жёны и дети шахтеров бежали на шахту и в тяжёлом, тоскливом ожидании стояли у ствола шахты, по которому поднималась клеть с горноспасателями и шахтёрами – живыми и мёртвыми. Как приговора ждали известия: жив ли наш, не покалечен ли?

Когда срывался план угледобычи и гасла красная звезда на шахтном копре (звезда горит – план выполняется, звезда погасла – не выполняется), объявлялись так называемые «дни повышенной добычи» (ДПД). Бросались все силы, резервы, делалось всё возможное и невозможное, чтобы резко повысить угледобычу и «вытянуть план». В такие дни отец, бывало, по три дня не возвращался с работы домой. Мать еду носила ему на шахту.

Последствия разрушительной войны давали о себе знать не только в тяжёлых условиях труда. Отцу припомнили и то, что после подрыва шахты не смог пешком обогнать стремительно двигавшиеся на восток механизированные части немецких войск и оказался на оккупированной территории, и то, что попал в концлагерь.

Самым страшным оказалось то, что во время пертурбаций на оккупированной территории он утратил документы, в том числе партбилет, – в то время, пожалуй, самый важный для него документ.

После освобождения отец неоднократно обращался в партийные органы с просьбой о восстановлении партбилета и, соответственно, членства в партии. Получал отказы. Дошёл до первого секретаря Сталинского обкома партии. Тот тоже отказал в восстановлении в партии. Но, учитывая очень хорошие отзывы об отце со стороны товарищей по партии и работе, предложил ему вновь подать заявление о вступлении в партию. Отец это предложение не принял, посчитав неприемлемым вступать второй раз в партию, из которой не выходил. Но убеждений своих не менял и до конца дней своих считал себя беспартийным коммунистом.

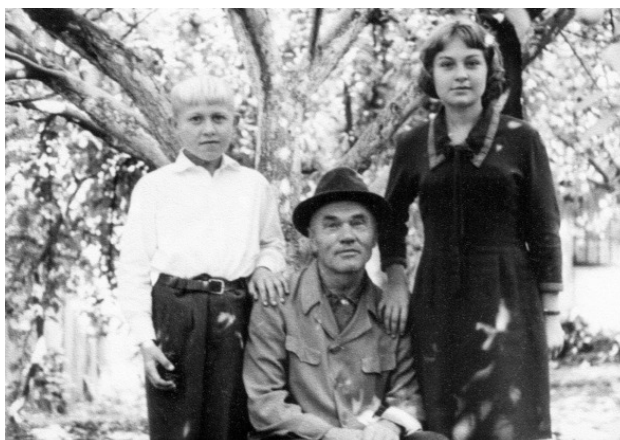
Пока отец работал, он полностью был погружён в производство. Домашние дела и дети практически целиком были на маме. Показателен следующий пример. Мне было лет 13. К отцу пришёл кто-то из товарищей по работе. Обедают. Немного выпили. Разговорились. Товарищ, видно, что-то про меня спросил. Отец подзывает меня и переадресовывает вопрос мне: «Анатолий, ты в каком классе учишься?».

Оглядываясь назад, я думаю, что мои родители, не заморачиваясь методиками воспитания, зная, что я учусь хорошо, ежегодно получаю похвальные грамоты за отличную учёбу и примерное поведение, поступали мудро, особо не вникая в мои школьные дела, тем самым зря не трепали нервы ни мне, ни себе. Таким образом, они воспитывали у меня самостоятельность и ответственное отношение к своим обязанностям.

Выйдя на пенсию в 1957 году, отец активно занялся семейными делами и даже работал в родительском комитете школы. Но по вопросам учёбы – спасибо ему – не приставал.

Отец со взрослыми детьми: Дмитрием, Михаилом, Валентиной, Анатолием. Фото автора

Отец с внуками: Вовой и Людой. Фото автора

За самоотверженный шахтёрский труд мой отец был награждён многими медалями, в том числе и медалью «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.». Имел звание Почётный шахтёр. Умер в 1981 году.

Я никогда не слышал от отца о его проблемах, никогда он не жаловался на судьбу с её тяжкими испытаниями, выпавшими ему и его поколению. Вышесказанное о нём я знаю только по воспоминаниям мамы, старших сестры и братьев, родственников и собственных наблюдений. Вот о встрече с Н. С. Хрущёвым он мне сам рассказывал.

С отцом мне повезло. Я горжусь им и благодарен ему за всё.

Мать. Жизнь прожита трудная, но достойная

Со стороны матери я не застал в живых ни дедушки, ни бабушки. Бабушка умерла, когда моей маме было всего восемь лет. О деде и прадедах по матери мне почти ничего не известно. Слышал только, что прадед – переселенец из Белгородской области, беглый казак Романцов, по уличному Писаренко.

Моя мама, Матрёна Кирилловна, родилась в 1903 году в селе Максимилянковке (сейчас в Марьинском районе Донецкой области) в крестьянской семье. У неё было два брата и сестра. После смерти матери в доме появилась мачеха. Моя мама никогда ничего не рассказывала о своих родителях и мачехе. Но по некоторым её воспоминаниям о детских годах можно было понять, что жилось ей несладко, впроголодь. Хотя продукты были, в погребе стояли бочонки с мёдом и сливочным маслом. Но детям эти деликатесы перепали только по большим праздникам и по чуть-чуть. Продукты предназначались для продажи – нужны были деньги для поддержания хозяйства. В гражданскую войну (маме было около 15 лет) ей пришлось работать на железной дороге. Вспоминала, усмехаясь, как после месяца работы стала миллионером – получила за работу аж 14 миллионов рублей! Хватило этих миллионов на один коробок спичек – инфляция!

Учиться в школе не было возможности. И только в 20-е годы, когда в стране была развёрнута кампания по ликвидации безграмотности, она, будучи замужем и имея на руках двоих маленьких детей, стала ходить в школу «ликбеза». Многому её там не научили, но с трудом читать и расписываться могла.

Был такой случай. В школе «ликбеза» маму учитель попросил прочитать на русском языке: «на базаре пилы и вилы», а потом задал вопрос, что она поняла. Она по-украински ответила: «на базаре пылы и вылы» (что по-русски: «на базаре пили и выли»).

Отсутствие грамотности компенсировалось недюжинным умом и способностью делать всё творчески и качественно. Вышла замуж в 1923 году и стала жить с отцом в доме деда Никиты Остаповича. В 1924 году родилась дочь Валентина, в 1926 – сын Дмитрий, в 1928 – сын Михаил. Родившиеся в 1930 и 1932 годах мальчики умерли младенцами. В 1941 году родился я, отец как-то мне сказал, что я внеплановый. В то время детских яслей и садиков не было. Так что надо было и с детьми управляться, и хлеб печь, и еду готовить, и стирать, и шить, и в колхозе работать. Как вспоминала мама, особенно тяжело было обрабатывать созревший лён: прежде чем ткать льняное полотно, надо было поздней осенью вымачивать лён, потом голыми руками трепать его в ледяной воде.

В колхозе в летнюю страду в поле работникам готовили обеды и кормили прямо там, чтобы не терять драгоценное время. Повара выбирали из своей среды сами – того, кто вкусней всех умеет готовить. И всегда просили быть поваром маму – даже обычная пшённая каша у неё получалась очень вкусной. У неё был врождённый талант готовить. Не пользовалась книгами по кулинарии, не имела никаких шпаргалок с рецептами, но знала и вкусно готовила огромное количество блюд.

У мамы получался потрясающе вкусный борщ. Борщ, основное блюдо в нашей семье, был на столе практически ежедневно и летом, и зимой. Борщ – это вкусно, полезно, сытно. Приготовление настоящего украинского борща – искусство, нужен талант. Мама, несомненно, им обладала.

Для борща нет жёстких требований к составу и количеству ингредиентов. Необходимо импровизировать в зависимости от имеющихся продуктов и даже времени года. Последовательность закладки ингредиентов, их пропорции, время и температура приготовления определяются «на глаз», по интуиции. На Украине почти все хозяйки умеют варить борщ. Но «глаз» и интуиция у всех разные, наверное, поэтому и борщ у всех получается вкусный, но раз-

ный. Моя сестра Валя унаследовала от мамы умение вкусно готовить. Борщ у неё, конечно, не совсем такой был, как у мамы, но тоже очень вкусный. Как-то я попросил Валию рассказать, как она его готовит, и подробно записал рецепт. Приехал домой. Стал варить борщ, аккуратно выполняя Валины рекомендации. Получилось что-то съедобное, но и близко не напоминающее вкус Валиного борща.

Мамино умение вкусно готовить из любых продуктов очень выручало нашу семью в голодные годы. Имея весьма скудный набор продуктов, она умудрялась готовить вкусную и разнообразную еду так, чтобы мы не ощущали острых приступов голода.

Когда отец стал шахтёром, мама стала домохозяйкой, как принято было в шахтёрских семьях. Заботиться надо было не только о муже и детях. На ней было и всё домашнее хозяйство: свинья, куры, огород, сад, сушка фруктов, заготовка варений, солений, топка печи, уборка в доме и во дворе, стирка белья, шитьё и ремонт одежды и многое другое. На зиму надо было заготавливать бочки с соленьями: огурцов, помидоров, баклажанов, сладкого и горького перца, арбузов. Короче, дома всё было на ней. Конечно, мы, дети, ей помогали, по возможности и отец помогал.

С мамой у меня отношения были, я бы сказал, взаимоуважительные. Я её любил и уважал, и она мне отвечала тем же.

О том, чтобы мать или отец подняли на меня руку, не могло быть и речи. Не было оскорблений и унижений, так сказать, «по праву старшего». Неуместны были и вопросы, типа: как у тебя дела в школе, ты уроки выучил? Мне доверяли, а я не злоупотреблял их доверием, и маме на родительских собраниях никогда не приходилось краснеть за меня. Такими взаимоотношения между детьми и родителями, по-моему, и должны быть.

Моя мать Матрёна Кирилловна. Фото автора

При воспитании своих детей я старался поступать так же, как мои родители поступали со мной. Был такой случай. Моя дочь Лена училась в 9-м классе. На родительском собрании классный руководитель попросила родителей поделиться опытом воспитания детей. Родители охотно откликнулись на просьбу и стали подробно рассказывать в основном о способах контроля учёбы своих детей. Учительница обратилась и ко мне: «У вас очень хорошая девочка, отличница. Поделитесь опытом». Я ответил коротко: «Стараюсь ей не мешать». Ответ вызвал некоторое замешательство. Прошло много лет: дочь школу закончила с золотой медалью, МИФИ с красным дипломом, кандидат физико-математических наук.

Во второй половине 50-х годов мама тяжело заболела: болело всё, не могла спать, была парализована левая рука, ничего не могла делать – даже поднять стакан воды. Несколько лет врачи ставили различные диагнозы, которые потом опровергались. Наконец сошлись на том, что это болезнь на нервной почве. Видимо, эта болезнь была следствием тяжёлых нервных нагрузок, особенно в годы войны и первые послевоенные годы.

Из-за тяжёлой болезни мамы отец ушёл на пенсию, окружив маму заботой. Всё домашнее хозяйство взял на себя. Но главной в доме оставалась она. Она сохраняла ясный ум до конца жизни, хотя из-за болезни не выходила на улицу, не общалась с соседями. Мы с Валеёй удивлялись, как она, не выходя со двора, была всегда в курсе всех событий не только в своем доме, но и на всей улице.

Отец внимательно прислушивался к советам мамы и беспрекословно выполнял её указания. Но сложилось так, что мама пережила отца: он умер в 1981 году, а она – в 1985. В последние годы их жизни с ними жила самая старшая из детей – Валя. На её долю и выпала нелегкая миссия ухаживать за престарелыми больными родителями до последних дней, которую она выполнила с честью.

Месяца за три до смерти я приезжал на автомобиле в Донецк проведать маму. Ей было плохо, но она всё же попросила свозить её в родную Максимилиановку и Григоровку, в которых за годы болезни не была, повидаться с родными. Позже, вспоминая эту поездку, тётя Фаня, сестра отца, призналась мне: «Я тогда подумала, вот Мотя со всеми родичами повидалась, наверное, на прощание перед смертью».

Мама ушла из жизни спокойно: накануне в комнате навела порядок, сложила в стопку свою посмертную одежду. Жизнь прожита: трудная, но достойная!

Отец и мать на курорте в Кисловодске. Фото из семейного архива. 1957г. (слева); Отец и мать с дочерью Валентиной, внучками Людой и Леной, правнуком Русланом. Фото автора (справа)

Сестра и братья

Валентина – моя вторая мама

Валя – первая у родителей. Родилась в 1924 году, на 17 лет раньше меня. Она была основной помощницей мамы в домашнем хозяйстве. Большая разница в нашем возрасте предопределила для неё роль моей няни и второй мамы.

Её юность (с 17 по 21 год) пришлась на годы войны. В период оккупации ей было 17—19 лет. Тогда она вместе с семьёй жила у деда в Григоровке. Как все взрослые, ходила на принудительные сельскохозяйственные работы на немцев. Немцы с полицией периодически устраивали облавы на молодёжь и пойманных юношей и девушек угоняли на работу в Германию. Во время облав пряталась у родственников, соседей, в погребе – где придётся.

Валя вспоминала о таком случае. Когда за ней охотились немцы, им сказали, что Вали Галущенко в Григоровке нет, – Валя Галущенко в Павловке у дяди Тимы (дядя – брат отца, Галущенко Тимофей Никитович). Когда туда пришли, им вынесли годовалого младенца, маленькую дочь дяди Тимы – тоже Галущенко Валю. Вот так маленькая двоюродная сестрёнка спасла Валю от угона в Германию. Прошло много лет, и в 2014 году теперь уже 74-летняя Валентина Тимофеевна спасала в Александринке 90-летнюю Валентину Ивановну от артиллерийских обстрелов на Трудовском руднике.

Сестра Валентина

Жили в войну впроголодь. Немного спасали подсолнечные семечки: на чердаке у дымохода печи лежало несколько мешков семечек, полученных до войны в колхозе за трудодни. Вечером вся большая семья (человек 10) «ужинала» семечками.

Валя вспоминала: из-за семечек у мамы щель между верхними передними зубами приобрела треугольную форму – зубы стёрлись.

Сестра Валентина с детьми Людой и Вовой, мамой Матрёной Кирилловной и моей супругой Фаиной. Фото автора

В оккупации было не до учёбы. Среднюю школу сестра заканчивала после освобождения Донбасса на Трудовском руднике в 1944—1945 годах. Учиться было непросто. Как-то лет через 10 после войны, среди домашней макулатуры мне попался старый школьный учебник. Страницы учебника между строк были исписаны убористым почерком. Я с удивлением спросил у Вали, что это такое. Валя сказала, что это она писала в 10-м классе: в войну у них школьных тетрадей не было, поэтому приходилось писать в книгах между строк. Училась она хорошо. У неё очень красивый почерк и удивительная память – даже в весьма преклонном возрасте (90 лет) она помнила стихи из школьной программы и читала наизусть Пушкина, Шевченко, Котляревского...

Я был очень привязан к Вале. Всегда ждал у калитки её возвращения из школы, а она при встрече давала мне кусочек сахара. Война, питание плохое, дети ослаблены и, чтобы подкрепить их, в школе давали по кусочку сахара, а Валя этот кусочек несла домой маленькому брату. Пожалуй, это самые памятные и дорогие подарки в моей жизни. Встречи у калитки и Валины школьные кусочки сахара запомнились на всю жизнь, хотя было мне тогда чуть больше трёх лет.

После окончания школы Валя поступила в техникум. Получила специальность бухгалтера. Вышла замуж. Работала бухгалтером до рождения детей: дочери и сына. Воспитала детей. Появились внуки. В её жизни было всякое – и хорошее, и плохое. В последние годы жизнь наладилась: заботливые дети и внуки, в доме достаток. Жить да радоваться. Но неожиданно-негаданно в 2014 году на Донбасс опять пришла война. Её дом на Трудовском руднике (Петровский район, западная окраина Донецка) оказался на линии фронта. Трудовской рудник в ДНР, Марьинка – в Украине (между ними четыре километра). Около дома рвутся снаряды, есть погибшие среди соседей. На 90-м году жизни Вале пришлось стать беженкой. Сначала с дочерью бежали к родственникам в село Александринка, что в Донецкой области между Еленовкой и Докучаевском. Но вскоре и здесь начались затяжные бои. Еленовка (на железной дороге и автотрассе Донецк – Мариуполь) неоднократно переходила из рук в руки. Пришлось бежать к родственникам в Черниговскую область. Здесь она и встретила 90-летний юбилей. К началу 2015 года наступило какое-то перемирие. Вернулись домой, в Донецк. Но опять начались обстрелы. Потом опять перемирие. Но и сегодня (конец 2016 года) на Донбассе мира нет.

Почему? Зачем, ради чего и кого моя сестра на склоне лет, её дети и внуки, абсолютно мирные жители Донбасса, подвергаются варварским обстрелам? Кто виноват? Думаю, к большому сожалению, что безнадежно ждать однозначного, приемлемого для всех ответа на эти

вопросы и наказания убийц мирных людей, поскольку состояние взаимоотношений в современном мировом сообществе по существу мало отличается от дикости междоусобных войн прежних эпох.

24 сентября 2016 года Валентина скончалась в Донецке. Я договорился с Людой (дочерью Валентины) об установке достойного памятника на могиле любимой моей сестры. Но, как сказала Люда, пока что устанавливать памятник нельзя – на кладбище, где похоронена Валентина, нередко залетают снаряды. Так что в моём родном Донецке сегодня даже мёртвым нет покоя.

Дмитрий: солдат и лесничий

Дмитрий – старший из двоих моих братьев. Родился он в 1926 году. Его поколению ещё досталось «понюхать пороху» на фронте. Не всем им выпало вернуться живыми. Митя вернулся – покалеченный, но живой.

Во время оккупации, как и вся наша семья, жил у деда в Григоровке. Было ему тогда 15—17 лет. Как и сестра Валя, Митя находился под угрозой угона в Германию.

Мама рассказывала мне, как в одну из облав Митю спас кизяк. Кизяком на Украине называют коровяк, коровий навоз. На селе он служил ценным материалом не только в качестве удобрения. Его для прочности и эластичности вместе с чабрецом, полынью и другими пахучими травами добавляли в глину и этой смесью мазали в хате доливку (земляной пол), потом покрывали цветными самодельными дорожками. В жаркую летнюю пору ставни на окнах закрывали, от доливки шли прохлада и аромат пахучего разнотравья. Ещё кизяк использовали в качестве топлива. Для этого его во влажном состоянии на земле формовали в виде плоских кирпичиков. Чтобы их хорошо высушить, из подсохших кирпичиков выкладывали пирамидки высотой метр-полтора с зазорами для продувки. Вот в одну из таких пирамидок мать и спрятала Митю при облаве.

Несколько немцев с полицияками забежали во двор. Проверяли хату, сарай, сад. Один из немцев подошёл к пирамидкам кизяка и стал тыкать в них штыком винтовки. Когда немец проткнул штыком Митину пирамидку, мать чуть не потеряла сознание. Проткнул – тишина, пошёл к следующей. Когда облава закончилась, мать разбросала пирамидку – внутри сидел целый и невредимый Митя. Штык прошёл мимо!

А вот ещё случай с Митей во время немецкой оккупации.

Зима 1943 года. Немцы под Сталинградом потерпели сокрушительное поражение. Через Григоровку брели на запад немецкие солдаты, сильно потрёпанные под Сталинградом. Это было жалкое зрелище.

Вспоминая это время, мать отмечала разительное отличие в том, как выглядели немцы в 1941 году, когда шли на восток в сторону Сталинграда, и в 1943-м, когда отступали от Сталинграда на запад. На восток немцы шли стройной колонной, солдаты подтянутые, аккуратно одетые, форма с иголки; на запад брели толпой, обросшие, в обтрёпанной одежде, укутанные в бабьи платки и какое-то тряпье.

Митя, как и другие сельчане, стоял у дороги и с любопытством смотрел на это шествие. Вдруг один из немцев, тянувший на санках какой-то скарб, схватил Митю и заставил его тянуть свои санки. Мать со слезами умоляла немца отпустить сына. Немец был неумолим. Митя тянул санки. Мать всё настойчивее приставала к немцу, чтобы он отпустил сына. В конце концов, это надоело немцу, он с руганью: «Russische schwein!» (русская свинья) оттолкнул мать и отшвырнул в кювет Митю. Митя тут же дал дёру.

В августе 1943 года Мите исполнилось 19 лет. И как только в сентябре 1943 года наши освободили Донбасс от немецко-фашистских захватчиков, Митю тут же призвали в Красную Армию.

Сначала он был направлен в школу пулемётчиков в Саратове. В школе было тяжело – там царил голод. В войну в стране был лозунг: «Всё для фронта, всё для Победы!». Продукты тоже в первую очередь направлялись в действующую армию. Учащиеся пулемётной школы рвались на фронт и потому, что там было не так голодно.

После пулемётной школы Митю отправили на фронт в Прибалтику. В Литве его тяжело ранило. Было это так: пулемётному расчёту надо было окопаться на вновь занятой позиции. Митю, как самого молодого, командир послал за лопатой. Когда он возвращался назад с лопатой в левой руке и уже близко подошёл к товарищам, произошло прямое попадание вражеского снаряда в пулемётное гнездо. Товарищи все погибли. Митя остался жив, но и в него попало два осколка этого снаряда – один в ногу ниже колена, не задев кость, а второй отрубил три пальца и срезал локтевой сустав левой руки, в которой он держал лопату.

Сначала его лечили в госпитале в районе Шауляя. Но после нападения «лесных братьев» и гибели части раненых, госпиталь эвакуировали в глубокий тыл. Подлечившись, Митя, покалеченный, с перебинтованной рукой вернулся домой, на Трудовской рудник, куда семья уже возвратилась из Григоровки.

Но дома он жил недолго. Вскоре поступил в Великоанадольский лесной техникум, который находился в Волновахском районе Сталинской области. После окончания техникума был направлен на работу лесничим в Волынскую область на Западной Украине.

В то время там было очень беспокойно – в лесах было полно бандеровцев. Нередки были случаи убийства председателей, секретарей сельсоветов и так называемых «восточников» – приехавших с Восточной Украины специалистов: врачей, учителей. Однажды и его в лесу задержали бандеровцы. От расстрела Дмитрия спасло то, что у него не было оружия, которое было положено «восточникам».

В Волынской области брат женился на девушке из местных.

Брат Дмитрий, 2006. Фото автора

У них родилось четверо детей. В середине 50-х годов Дмитрия перевели на работу лесничим в Черниговскую область – сначала в Щорский, а потом в Корюковский район. В Корюковке он построил дом, ездил на «Запорожце», который ему дали бесплатно как инвалиду Отечественной войны. Работал лесничим до выхода на пенсию. Умер уважаемым человеком на 85-м году жизни, в окружении многочисленных детей и внуков.

Михаил – романтик в душе и в работе

Михаил родился в 1928 году. Он заметно отличался от сестры и братьев не только внешне, но и по характеру. Все, кроме него, как и отец, русые, широколицые. У Миши, как у матери, волосы тёмные, лицо продолговатое. По типу характера Михаил был холерик, осталь-

ные – сангвиники. Несмотря на довольно крутой нрав отца, мы с ним хорошо ладили. А вот у Миши с отцом частенько бывали стычки.

У него постоянно были какие-то увлечения. Ещё до войны, когда ему было лет 10—12, увлёкся голубями, устроил для них голубятню у нашего дома барачного типа на Трудовском. В оккупации, когда мы жили у деда в Григоровке, время было голодное, и Миша занялся ловлей ворон и выливанием из нор сусликов. По воспоминаниям сестры Вали, мясо суслика было как у кролика – вполне съедобное. А ворону приходилось варить долго-долго, и всё равно мясо было очень жёсткое и невкусное. Но голод не тётка, ели и ворон. Кроме тёти Тани. Тётя Таня (сестра отца), в то время девушка лет восемнадцати, ворон не ела – брезговала. Но однажды Валя зашла в хату, когда там была одна Таня, и увидела, как та торопливо ест воронье мясо. Голод оказался сильнее брезгливости! После войны Миша иногда тоже ловил ворон, но уже не для еды, а делал из них прекрасные чучела.

Одно время он увлёкся рисованием картин маслом. Во времена, когда развенчивали очередного «выдающегося государственного деятеля» и в шахтном клубе снимали и выбрасывали его портрет вместе с рамой, Миша уносил портрет домой и использовал для рисования на этом холсте различных пейзажей. На выставки его творения не попали, но дома некоторые висели на стенах.

В детстве Миша любил пошутить. Однажды Валя пришла в школу. В классе положила портфель на парту, открыла, а из него покатались ...кошачьи какашки. Конечно, дома Мише от Вали досталось за такую шутку, но через много лет она вспоминала её со смехом.

Во время войны в Григоровке при угрозе бомбёжки или артобстрела семья пряталась в погребе, в том числе и баба Параска (мать отца), которая была почти совсем глухая. Сидели в темноте. Миша периодически бросал на бабу комочки земли. Баба каждый раз крестилась и причитала: «О, Господи, опять бомбят!».

Помнится и такая его проделка. Это было вскоре после войны, когда Миша был студентом сельскохозяйственного техникума в Красногоровке. Умер один из преподавателей техникума. Несколько студентов, в том числе и Мишу, попросили выкопать могилу. Выкопав могилу, уставшие студенты пришли в дом покойника в предвкушении, что их, как это было принято, в благодарность за тяжёлую работу угостят обедом. Но хозяйка не то чтобы обедом угостить, не пустила студентов в дом, даже «спасибо» не сказала. Ребята крепко обиделись и, по предложению Миши, «отблагодарили» её такой «шуткой»: в содержимое выгребной ямы в уборной во дворе дома подложили дрожжи. Можно представить, каково было хозяйке, когда забродившее содержимое уборной вспучилось и полезло во двор!

В отличие от брата Мити, с которым я виделся лишь эпизодически, с Мишей мы жили бок о бок почти до окончания мною средней школы – то в отчем доме, то в разных домах, когда он женился и построил дом, но рядом. Поэтому Миша и занимался мною больше. В конце войны – мне было года четыре, ему 16 – он меня «муштровал»: на одно моё плечо вешал солдатский погон, в руки вместо винтовки – палку и учил выполнять команды «на плечо», «шагом марш», «кругом», «ложись», «встать». Всё на полном серьёзе, за невыполнение команды можно было и затрещину получить. Так что на уроках военной подготовки в школе я был уже практически готов к выполнению подобных команд.

Миша был заядлый футболист и умел хорошо танцевать. Когда я стал постарше, он и меня научил танцевать популярные в то время танцы: вальс, танго, фокстрот, польку.

Сразу после войны отец отправил Мишу в школу ФЗО (фабрично-заводского обучения). Там готовили специалистов рабочих профессий. Не окончив эту школу, он поступил в сельскохозяйственный техникум. После окончания техникума работал агрономом в колхозе в Пречистовке, потом – в родной Григоровке.

Брат Михаил с супругой Валентиной
на фоне террикона шахты 5-бис «Трудовская». Фото автора

Миша был общителен, имел много друзей, всегда был в центре молодёжных событий. Наверное, поэтому он согласился поработать инструктором Марьинского райкома комсомола. Потом комендантом общежития шахты 5-бис «Трудовская».

Работа коменданта была не из лёгких. В конце 50-х годов на шахте 5-бис «Трудовская» был большой набор молодых рабочих. На работу приехали сотни молодых ребят не только из близлежащих областей Украины и России, но и из Грузии, Болгарии, Китая. Селили их в общежитие шахты. В общежитии стали возникать различные группы, компании. Начались драки, поножовщина. Милиция не справлялась. Порядок удалось восстановить только с помощью солдат воинской части.

После работы в общежитии, на рубеже 60-х годов Миша работал заведующим клубом этой же шахты. В это время он со второй женой Валей сначала жил в доме отца, а потом родители выделили ему треть своего земельного участка, на котором Миша с Валей построили хороший кирпичный дом. У них родился сын Витя. Но у Миши была романтическая натура, его тянуло в другие края, поближе к воде. Он нашёл место по душе на высоком берегу Южного Буга в большом селе Матвеевка рядом с городом Николаев. Продал построенный на Трудовском руднике дом и купил в Матвеевке плохонький домик с участком земли две—три сотки. Устроился на работу в Николаеве, отвечал за организацию работ по озеленению города. Работа ему нравилась – была близка к специальности, полученной в техникуме.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.